

ПЛЕНАРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

PLENARY SECTION

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОСТЬ В АСПЕКТЕ МЕТОДОЛОГИИ

INFORMATIONAL LINGUISTICS AND LINGUOINFORMATIONALITY IN METHODOLOGICAL ASPECT

А. А. Баркович

A. Barkovich

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: albark@tut.by

Информационная лингвистика – инновационный феномен современной науки, возникший в парадигме прикладного языкознания, на стыке семантически ориентированной методологии изучения речи и практики совершенствования информационных технологий. Систематизированное описание компьютерно-опосредованной коммуникации предполагает интерпретацию, репрезентацию и моделирование *информации* – содержательной специфики коммуникации. В данной связи важной является концепция *лингвоинформационности*.

Ключевые слова: информационная лингвистика; информация; информационные технологии; лингвоинформационность; компьютерно-опосредованная коммуникация; методология; искусственный интеллект.

Informational linguistics is an innovative phenomenon of modern science that has arisen in the paradigm of Applied Linguistics, at the intersection of semantically oriented methodology of speech study and the practice of Information Technology improvement. Systematic description of computer-mediated communication suggests the interpretation, representation and modeling of *information* – meaningful specifics of communication. In this regard, the conception of *linguoinformativity* is important.

Keywords: Informational linguistics; information; Information Technology; linguoinformativity; computer-mediated communication; methodology; Artificial Intelligence.

В разного рода научно-популярных и научно-исследовательских описаниях информацию *компьютерно-опосредованной коммуникации* нередко представляют как некую качественно новую субстанцию. Однако проблематика, связанная с «информационной» идентичностью как

таковой, не нова: начиная с Древнего Рима, именно с *информацией* ассоциируется чуть ли не все, что каким-то образом соприкасается с коммуникацией [8]. При этом лексема *информация*, как и реализации других важнейших концептов – *система, понятие, процесс* и т.д. – в последнее время превратилась в некое подобие дискурсивного слова, будучи массово и часто немотивированно используемой для обозначения неких смысловых лакун коммуникации, не поддающихся спонтанной идентификации и словесной актуализации.

Актуальность «информационной» непротиворечивости и последовательности сегодня предопределена доминированием компьютерного опосредования коммуникации. В данном контексте именно *информация* оказалась критически важным ресурсом дальнейшего научно-технического прогресса [2]. В этом потенциал концептуального развития **лингвоинформационности** – функционального единства, симбиоза лингвистической формы и информационного содержания коммуникации [1]. И в этом дисциплинарный потенциал **информационной лингвистики** – науки о содержательной специфике коммуникации [1]. В контексте компьютерно-опосредованной коммуникации потребности производственной и социокультурной сфер предполагают предсказуемое развитие соответствующей научной парадигмы. Одним из важнейших в данной связи представляется вопрос осмысления *лингвоинформационности* как феноменологически актуальной черты современной коммуникации [3].

В аспекте значимости *информация*, на первый взгляд, не отличается от всем хорошо известной *семантики* – содержательной «материи» языка. Но *содержание* как информация обладает ярко выраженной **речевой** аутентичностью, которая отчетливо ощущается носителями практически любого языка (*информация* – интернационализм). Вместе с тем, информация как атрибут **эвристически** настроенной человеческой ментальности, оказалась чрезвычайно востребованной в наше время – время тотальной компьютеризации, возможной лишь благодаря использованию **алгоритма**. В этом нет ничего удивительного: семантики словарей всегда было банально недостаточно для интерпретации и репрезентации содержания практически любой речи, что уж говорить о речи компьютерно-опосредованной. Так, вскоре после феноменального успеха Всемирной паутины ее архитекторы задумались о создании следующего поколения коммуникационной сети. Сомнений в том, как она должна называться, изначально не было: Семантическая паутина (*Semantic Web*) [6]. Пока, правда, о каких-либо значимых достижениях в данной связи не сообщалось.

С изобретением компьютера появились все основания предполагать, что новые технологии помогут интенсифицировать использование языка в коммуникации на качественно новом уровне. И это, собственно говоря, вроде бы не противоречило логике и опыту использования машин. Однако в коммуникации практическая целесообразность теорий оказалась обусловлена не только и не столько материальными объектами, например, *текстами*, сколько *языком* – абстрактным феноменом. Функционирование языка в новых технологических условиях потребовало не только изучения речевых образцов в отдельных хронологических или пространственных рамках, но и широкой систематизации речевой практики [7].

Со времени первых успехов в информационных технологиях изменилось многое, но адаптировать естественные языки к компьютерно-опосредованной коммуникационной среде в полной мере пока так и не удалось. Сегодня уже ни для кого не секрет, что *искусственный интеллект* появится еще не скоро, если появится. При этом в методологическом плане *искусственный интеллект* превратился в некую «религию», в которой технические специалисты нашли место, в том числе, для какого-то минимума лингвистики. Также, именно в искусственный интеллект записывают все, что имеет хоть какое-то отношение к информационным технологиям (*обработку естественного языка, машинный перевод, машинное обучение, нейронные сети* и т.д.), и даже то, что уже существовало до появления самого научного направления *искусственный интеллект*, например, *кибернетику*.

Нет сомнений, что научно-технический прогресс со временем все расставит по местам, однако инспирированную подобным форматированием науки методологическую неопределенность не стоит недооценивать. Так, создание «параллельной» лингвистики в сфере *информатики (искусственного интеллекта)* уже сегодня доставляет немало забот специалистам: ведь «семантика» и «синтаксис» в информатике оказались принципиально другими, чем в теории языка, например. Информационная лингвистика, сохраняющая традиции языкознания, и развивающаяся в русле интердисциплинарности современной науки, в данном контексте оказалась весьма сбалансированной и востребованной. Так, в контексте информационной «лингвистики» *коммуникация* остается антропоцентричной, а информация ассоциируется с полноценной *семантикой*.

По мере утверждения компьютерных технологий постепенно становилась все более явственной огромная пропасть между естественными языками и «двоичным кодом» [9]. Неудивительно, что человеку пришлось изобрести формальные языки-«посредники», счет которым уже

идет на сотни. Такая продуктивность не случайна – идет активный поиск и апробация семиотического интерфейса «человек–компьютер». При этом запросы производственной и социокультурной сфер постоянно усложняются, стимулируя, в том числе, совершенствование семантического обеспечения компьютерно-опосредованной коммуникации. Можно, конечно, сожалеть, что на начальном этапе компьютеризации коммуникации был выбран, как сегодня представляется, тупиковый путь: адаптация языка к дискретной логике алгоритма через уже апробированный инструментарий словарей естественных языков. Естественным образом словари, привычные для человека, умеющего «читать» и «понимать», оказались мало пригодными для компьютера, способного лишь сравнивать новые образцы с уже известными, например, записанными в компьютерной «памяти». Сегодня понятно, что возможности алгоритмизации языка весьма ограничены и необходимо искать новые подходы к проблемам коммуникации.

Известно, что в середине XX века – в период становления компьютерных технологий – знаний об особенностях нервной и психической деятельности человека было катастрофически мало для полномасштабного моделирования ментальности и, соответственно, языка. Собственно, таких знаний и сейчас явно недостаточно. При этом, благодаря приобретенному учеными и практическими специалистами опыту, уже достоверно известно – чем, по крайней мере, заниматься не стоит: добиваться от компьютера полноценных анализа и синтеза *знаний*. Одним из отрицательных гносеологических результатов развития сегодняшней коммуникации как раз и стало осознание ограниченности *статистической* «идеологии» современной науки. Конечно, это по-прежнему не мешает всем желающим продолжать «грузить» компьютерные системы так называемыми **данными** – поверхностно структурированными **мета-описаниями** – в надежде, что их количество когда-нибудь и как-нибудь само перейдет в качество, а компьютер удивит человечество чем-нибудь революционным. Однако, все более очевидно, что бесконечно эта практика продолжаться не может.

Характерен в данной связи крутой поворот «компьютерной» терминосистемы к резервам когнитивного плана: сегодня только ленивый не слышал о неких достижениях в сфере *искусственного интеллекта, машинного обучения, нейронных сетей* и т.д. Пока, к сожалению, говорить о действительно прорывных достижениях в этой связи не приходится: модные термины помогают разве что стимулировать продажи новых поколений компьютерной техники. Разумеется, называть математические модели «нейронными» можно сколько угодно, равно как и «скармливать» компьютерной памяти бесчисленные данные, называя

это «обучением», но «интеллекта» у компьютера от этого не прибавляется. Однако, несомненный плюс в этой, на первый взгляд, бесперспективной терминологической импровизации все-таки есть. Как минимум, компьютерщики тем самым приобщаются к гуманитарным ценностям не фантастического мира искусственного интеллекта, – а реально функционирующей человеческой ментальности и менталитета [5].

Сегодня пока сложно прогнозировать, когда появятся значимые новации в создании интеллектуальных информационных систем, – если не повторяющих человеческий мозг, то хотя бы совместимых с ним. Но лингвистика – как ведущая наука в парадигме гуманитарного знания – здесь может сыграть решающую роль: именно с ней связаны перспективы совершенствования коммуникации, в том числе компьютерно-опосредованной. Других средств коммуникации – кроме *языка* (даже неважно какого) – просто нет, а язык – это прерогатива лингвистики. В методологическом плане уже никого не удивляет постоянно расширяющийся перечень направлений прикладной лингвистики: *математическая лингвистика, количественная лингвистика, компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика* и т.д. [4]. Новые направления прикладной лингвистики появляются практически ежегодно. До недавнего времени в этом перечне отсутствовала *информационная лингвистика*. Но сегодня можно уверенно говорить о том, что информационная лингвистика состоялась [1]. И судя по методологической востребованности информации, информационная лингвистика – это навсегда.

Разумеется, информацию никто и никогда не видел – как, впрочем, и язык. Но как эфемерность языка не мешает существованию языкознания, так и эфемерность информации не создает каких-либо экстремальных методологических сложностей для информационной лингвистики: у каждой науки свой объект, задачи и методология. Являясь абстракцией, как и все пока в мире ментальности, информация, вместе с тем, становится все более узнаваемым символом современной науки. Закрепление данной тенденции в методологическом аспекте закономерно и целесообразно.

Итак, семантизация «информационной» терминосистемы продолжается. И *информационная лингвистика* как научный феномен – чрезвычайно важная доминанта этого процесса, который мы можем наблюдать практически в режиме реального времени. Но, пожалуй, не менее важно то, что мы все в этом процессе уже участвуем. Информационно обусловленная лингвистическая методология необычайно аутентична: именно она на острие научно-технического прогресса и полностью рас творена в повседневной жизни. Так, включая компьютер и «выходя» в

Интернет, мы уже занимаемся информационной лингвистикой. Проблема лишь в том, чтобы делать это с открытыми глазами и эффективно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баркович, А.А. Информационная лингвистика: метаописания современной коммуникации / А.А. Баркович. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. – 360 с.
2. Баркович, А.А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект / А.А. Баркович // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015, № 3 (25). – С. 97–101.
3. Баркович, А.А. Лінгваінфармацыйная спецыфіка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу / А.А. Баркович. – Мінск: БГУ, 2015. – 304 с.
4. Баркович, А.А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса / А.А. Баркович // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015, Вып. 30. – С. 38–48.
5. Баркович, А.А. Псіхалінгвістычная спецыфіка камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі / А.А. Баркович // Весці БДПУ. Сер. 1. – 2016, № 1 (87). – С. 60–65.
6. Berners-Lee, T.A Framework for Web Science / T. Berners-Lee [et al.] // Foundations and Trends in Web Science. – 2006. – Vol. 1, № 1. – P. 1–130.
7. Foucault, M. The archeology of knowledge / M. Foucault. – London: Tavistock Publications, 1972. – 218 p.
8. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.etymonline.com/index.php?search=pager>. – Date of access: 30.03.2016.
9. Searle, J.R. Minds, Brains, and Programs / J.R. Searle // Mind design II. Philosophy. Psychology. Artificial Intelligence [ed. by John Haugeland]. – Cambridge: A Bradford Book, 1997. – P. 183–204.

НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИКИ В ВЕК ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

SOME REFLECTIONS ON THE PARADIGM OF LINGUISTICS IN THE AGE OF INFORMATION DEVELOPMENT

М. И. Коношкевич

М. I. Konushkevich

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

e-mail: marikon9@mail.ru

Автор представляет свое видение изменений в лингвистической парадигме последнего десятилетия, апеллируя к впечатлениям от XVI съезда славистов в Белграде. Отмечаются следующие тенденции: внимание к внешнелингвистическим проблемам функционирования языка, к последствиям конвергенции вербальной и технологической